

УДК 81'42

**СТАТЬЯ О ПИФАГОРЕ 1739 г. КАК ПРИМЕР ПРОТОТИПИЧЕСКОЙ
РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО СЦЕНАРИЯ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ
ВЫДАЮЩЕГОСЯ ДЕЯТЕЛЯ В ЖУРНАЛИСТСКОМ ТЕКСТЕ**

**THE ARTICLE ABOUT PYTHAGORAS (1739) AS AN EXAMPLE
OF THE PROTOTYPICAL IMPLEMENTATION OF THE COMMUNICATIVE
SCENARIO "DESCRIPTION OF THE BIOGRAPHY OF THE FAMOUS PERSON"
IN THE JOURNALISTIC TEXT**

А.А. Малышев
A.A. Malyshev

Санкт-Петербургский государственный университет,
199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., 26, ауд. 703

Saint-Petersburg State University, Room
703, 26, 1-st line, 199004, Vasilevsky Isl., Saint-Petersburg, Russia

E-mail: a.malyshev@spbu.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению стилистических особенностей биографической статьи о Пифагоре 1739 г. Анализ речевой репрезентации жизненного пути Пифагора и изложения основных принципов его философского учения позволяет говорить о том, что данная статья обнаруживает характерные черты реализации коммуникативного сценария «портретное жизнеописание выдающегося деятеля» и на прототипическом уровне является одним из связующих звеньев между житийной литературой и журналистскими текстами, в том числе современными.

Abstract

The article is devoted to the consideration of the stylistic features of biographic article of 1739 about Pythagoras. The analysis of the speech representation of the Pythagoras' course of life and of the statement of the basic principles of his philosophical doctrine allows to say that this article contains of the characteristic features of implementation of the communicative scenario "the portrait description of the biography of the famous person" and at the prototypical level is the one of the connecting-links between the literary existence-texts and the journalistic texts, including the modern.

Ключевые слова: историческая стилистика, русская журналистика XVIII века, медиалингвистика, коммуникативный сценарий, жизнеописание.

Keywords: historical stylistics, Russian journalism of the 18th century, media linguistics, communicative scenario, biography.

Объектно-предметную основу медиалингвистических исследований составляет рассмотрение функционирования языка в текстах современных средств массовой информации с помощью различных исследовательских методик, преимущественно – полидисциплинарно. В то же время, при очевидной ведущей роли медиатекста в развитии современного русского языка, представляется перспективным привлечение для анализа материалов предыдущих эпох. В данном случае речь идёт, конечно, не столько о синхронии, медиатексте и собственно медиалингвистике, сколько о диахронии, журналистских текстах и исторической стилистике русской журналистики (здесь хотелось

бы отметить досадную опечатку в названии статьи [Малышев, 2016]: вместо «медiateкст» следует читать «журналистский текст», поскольку никаких медiateкстов в XVIII веке, разумеется, быть не могло). Привлечение историко-стилистического подхода позволяет не только выявить характерные речевые и стилистические особенности журналистских текстов предшествующего времени, но и провести их сопоставление с современными медiateкстами, для которых тексты-предшественники (как в совокупности, так порой и на уровне конкретных текстов) были исторической основой, звеном в цепи жанровой и стилистической преемственности.

Продуктивность подобных исследований и сопоставлений отмечена, в частности, в трудах советских языковедов. Так, Ю. С. Сорокин [Сорокин, 1965] привлекал данные XVIII века для рассмотрения языковой ситуации XIX века, иллюстрируя свои наблюдения примерами из журналистских текстов, поскольку в то время журналистика стала занимать в общественном сознании не меньшее место и играть не меньшую роль в развитии литературного языка, чем художественная литература, но основы российской журналистики, в том числе и стилистические, были заложены именно в XVIII веке. Схожим образом привлекали язык советских газет разного времени как яркое преломление и показательное отражение языка советского общества на разных этапах его развития А.М. Селищев, Е.Д. Поливанов, Б.А. Ларин, Г.О. Винокур, Р.А. Будагов, С.И. Ожегов, К.С. Горбачевич, Н.З. Котелова, Л.П. Крысин, В.М. Живов и др. Из работ последних лет, демонстрирующих интерес к историко-стилистическому изучению журналистики и позволяющих выявить общие или схожие с современными СМИ механизмы текстообразования и текстопорождения, отметим, например, масштабные исследования Е.Н. Басовской и Т.И. Красновой [Басовская, 2011; Краснова, 2011], а также публикацию ряда статей с привлечением исторического материала XVIII и XIX вв. в профильном журнале «Медиалингвистика» [Малышев, 2015; Редькина, 2015; Щеглова, 2015].

Для иллюстрирования сказанного выше обратимся к анализу исторического материала, посвященного созданию портрета выдающегося деятеля культуры. В исследованиях Л. Р. Дускаевой и Ю. М. Коняевой [Дускаева, Коняева, 2015; Дускаева, Коняева, печ.] рассматривается реализация в текстах массмедиа речевого жанра «творческий портрет», основанная на текстовом воплощении коммуникативного сценария персональности. Сообразно своему коммуникативному намерению – создать образ творца, человека искусства, значимой для многих личности – журналист при написании текста использует определённые композиционные приёмы и опирается на определённые семантические узлы. Образ творца складывается из микрополей (внешности, речи, поведения, деятельности, окружения, оценки и др.) и в речевом отношении подаётся читателю через восприятие журналистом описываемой личности как с социальной, так и с личной точки зрения (в различной тональности в юбилейном тексте или некрологе). Отметим при этом, что речь – очевидно, по умолчанию – идёт о создании положительного образа, однако интересно было бы рассмотреть и примеры текстов иного рода.

Традиция написания подобных текстов имеет глубокие исторические корни, восходящие к античности. Представляется очевидным, что для русскоязычных журналистских текстов жанрово-стилистической предтечей были тексты житийной литературы (как тексты древнерусских хождений были предтечей путевого очерка и современных трэвел-медiateкстов). Собственно журналистским же прототипом для современных «портретных» медiateкстов были статьи XVIII века, одной из первых в числе которых была статья «О житии и учении перваго так называемаго Философа Пифагора», напечатанная в 1739 г. в первом отечественном научно-популярном журнале «Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям» (здесь и далее цитаты приводятся в упрощённой графике с сохранением орфографии и пунктуации оригинала).

Статья занимает четыре выпуска журнала (ч. 34-37, общим объёмом 16 страниц). Обозначенные в названии смысловые части композиционно перетекают одна в другую:

статья начинается с описания жизни Пифагора, в середине статьи перед нами сочетание биографических данных и введения в учение Пифагора, затем следует изложение основных взглядов философа и его высказываний, заканчивается статья кратким обзором теории переселения душ и отсылкой к мифам о переселении души самого Пифагора. Сведения о Пифагоре в русской культуре до XVIII в. были достоянием немногих, о чем свидетельствуют и упоминания о его учении. Данные исторических словарей русского языка показывают, что слова «пифагорский» и «пифагоряне» относятся к XVI в. [СРЯ XI-XVII, 15, 63], слова «пифагорический» и «пифагоров» появляются ближе к середине XVIII в., слова «пифагоре(е)ц» и «пифагорик» – во второй половине XVIII в., а «пифагорист» – в 1804 г. [СРЯ XVIII, 19, 225-226]. В то же время начатое Петром I культивирование античного наследия [Артемьева, 1996; Подтергерра, 2008] привело к возникновению в обществе интереса не только к познанию различных философских учений, но и к жизни виднейших философов.

Портретный образ Пифагора складывается из прототипических микрополей «величие», «знание», «скромность», «странствие», «мифологизация» и «учение», а также из их сочетания в пределах небольших фрагментов текста; хотя исторически правильное было бы обозначить эти протомикрополя сочетанием «семантические узлы» (СУ). Рассмотрим данные СУ, отметив, что выделяемые модусные характеристики личности встречаются не в отдельных частях текста, а пронизывают весь текст, создавая своеобразные цепочки смыслов.

К СУ величия Пифагора относится, в первую очередь, демонстрация масштабности его фигуры, для чего используются:

1) Прямое утверждение широкой известности и исключительности Пифагора с помощью качественных прилагательных и превосходной степени прилагательных: «*великое* знание» (с. 138); «Получил имя *наибольшего* в свете учителя <...> в *несравненном* красноречии» (с. 139); «*славный* учитель» (с. 144); «*мудрый* Пифагор» (с. 146); «*золотые* Пифагоровы стихи» (с. 147; ср., например, с Иоанном Златоустом или «златым словом» князя Святослава). Отметим и номинацию «учитель», возвышающую Пифагора над окружающими.

Упоминается и превосходство Пифагора не только над современниками, но и над предками: «В тех науках, которые состоят в одном только рассуждении, *превосшел* он без сомнения *всех своих предков*» (с. 146).

2) Апеллирование к мнению и эмоциям окружавших его в Кротоне людей и демонстрация значимости для них личности Пифагора, преимущественно для этого используются собирательные существительные и/или определительное местоимение *весь*: «Лехковерный *народ* смотря на его почти иссохшее лице пришел в такое о нем *сожаление*, что при сем от него говоренном слове *не мог от слез удержаться*. Сие привело *весь город* в *крайнее удивление*, а Пифагор получил себе чрез то наибольшее почтение» (с. 138); «Ему *Кротонские жители* и дочерей и жен своих в наставление *вверяли*. Ибо и женам, которые по разуму хотят жить, надлежит учиться» (с. 139); «Пифагор своими представлениями в невоздержание и в роскошь пришедший *город* привел опять в совершенную умеренность и в добрые нравы <...> *Весь город* пришел от того в такое чувство, что невоздержных людей *везде* явно презирать стали» (с. 140).

В отдельных случаях приводятся количественные данные, призванные конкретизировать и усилить впечатление читателя от способности Пифагора преподносить свои идеи и убеждать окружающих: «Причем нетоко *больше двух тысяч* Пифагоровых учеников, но *почти все жители того города* в том между собою спорили, кто из них *наибольшее* молчаливость содержать, гнев и прочия пристрастия укрощать, и во всем умеренность показывать может» (с. 140); «По его увещанию *больше тысячи* учеников соединяя все свое имение в общую сумму положили, и чрез то совершенное общество в имениях между собою утердили» (с. 141).

Кроме того, присутствует и упоминание иных топонимов и локаций: «Великое множество учеников ежедневно Пифагорова учения слушали, и к сему славному учителю из *Лукации, Пицента, Мезатии и из Рима* зело многие приезжали <...> и в других землях так был славен, что *целые города и провинции*, а особливо в *Греции* нарочных послов к нему отправляли для испрошения себе законов, и для исправления чрез него собственных своих прав» (с. 144).

3) Сравнение с источником божественного откровения: «Его учение и остроумныя речи почитались тогда так высоко, как *Пифискія или Аполлоновы ответы*» (с. 135).

4) Встречается и сочетание отмеченных выше характеристик и приёмов: «*Всяк желал пользоваться мудростию толь чрезвычайнаго мужа; а любопытство народа* было причиною, что он имел у себя *наибольших* слушателей <...> *Народ* так великую склонность к Пифагору *показывал*» (с. 138); «*Общее* почтение Пифагору имя *премудрейшаго* между всеми его сверстниками принесло» (с. 139).

Кроме того, СУ величия формирует и подчёркивание хронологической «первости» открытий и идей Пифагора, перед нами отчётливо задаваемая темпоральность: «Представим нашим читателям в пример такого человека, которой имя собственно так называемаго *Философа прежде всех* привел в употребление и оно по достоинству носил» (с. 133); «При своем учении получил он тем большую себе славу, что в обеих первых науках весьма много новых и *до его времени неизвестных* вещей показал» (с. 139); «В *Астрономии* показал он *прежде всех* движение Венеры <...> В *Музыке* *изобрел* он не только совершенную октаву, но способом оная доказал соединение и согласие всего света» (с. 146); примеры также см. в других цитатах.

Величие Пифагора как мыслителя естественным образом проистекало из его стремления к знаниям. СУ знания создаётся с помощью достаточно устойчивых в контексте науки именных и глагольных сочетаний, употребления пары «знание – мудрость», а также уподобления знания сокровищу: «По своей *природной склонности* к наукам, в *знании и мудрости* получить большее основание <...> *учением* довольно насытиться не мог <...> *искать совершенных и зрелых мудрости* <...> с славнейшими учеными людьми» (с. 136); «Он с тогдашним от восточных народов принятым *учением как с великим сокровищем* в свое отечество возвратился» (с. 137); «*Философом, или любителем мудрости* называл он того, кто о основательном *познании* существа и свойства всех вещей имел *старание*» (с. 145).

Ещё одно чертой Пифагора как выдающейся личности была скромность, имевшая причиной как огромное знание, так и подлинную мудрость, и воплотившаяся в его учении. СУ скромности основан на противопоставлении отказа от пышных титулов и подчёркиванию неустанного личного подвижничества во имя продвижения идеи сдержанности: «*Все Греческие ученые люди* прежде Пифагоровых времен обыкновенно *толикую гордость на себе показывали*, что они *называли себя Софи*, то есть, *мудрые* <...> *Пифагор* прежде всех, *последуя* основательной *умеренности, сего великаго имени* принять не хотел, и при всей своей *мудрости* назывался *только Философом*, то есть, *Любителем мудрости*» (с. 134-135); «*Содержал он себя с крайней жестокостию*, упражнялся в своих науках, и никого кроме своей матери до себя не допускал, и то изретка» (с. 137); «...собственным своим примером <...> в добродетельном и с жестоким воздержанием соединенном житии» (с. 139); «Его *умеренность не допустила* его и до того, чтоб он *имя Мудреца на себя принял*, которым тогда все ученые люди назывались, но *стал наипаче называться Философом* или *любителем мудрости* <...> с того времени *гордый титул мудрец* сперва от Пифагоровой секты, а потом и от всех прочих *совершенно отброшен*, а вместо того содержится и по сие время в обыкновении ученое звание *Философа*» (с. 139). В случае спасения из Кротоне он готов придерживаться этой бытовой скромности ценой собственной жизни «Он *лучше хотел потерять живот, нежели* на несколько шагов *помять бобов*, которые уже взошли, и между которыми можно бы было ему схорониться»

(с. 142); по другой легенде, кротонцы не убили Пифагора, он ушел в Метапонт, где «осмидесяти лет свою еще в совершенной крепости находившуюся жизнь *самоизвольным воздержанием* от пищи и пития» (с. 142); «ни на какие внешние вещи и приключения не смотрел» (с. 145).

Особая концентрация знания не только возвышала Пифагора над окружающими и делала его фактически правителем Кротоне и даже – через его советы – других городов, но и порождало слухи. СУ мифологизации создаётся путём упоминания этих слухов с помощью частицы *будто*: «Он силу и свойство трав и других тел исследовал и толковал. А *будто он разумел зверские и птичьи голоса*, то может быть такоеж несправедное обвинение как и то, когда на него сказывают, *будто он умел колдовать или заклинать нечистых духов*, что в самой вещи невозможно» (с. 146-147). Особый колорит придавали личности Пифагора легенды, основанные на его же учении о переселении душ и последовательно сообщающие читателю прежние имена и род занятий философа: «Он прежде начал знаменит быть под именем *Эталида* и *Эвфорба*, а потом под именем *Гермонция* и *Пирра* <...> *Его род производили тогда от Меркурия*», лишь после его смерти под именем Пифагора его душа была отправлена в Елисейские поля (с. 136); «Так и он сам на свете за несколько сот лет был иногда *солдатом*, иногда *рыбаком*, иногда *господином Пиррусом*, а напоследок учинился *Пифагором*» (с. 148).

Знание было приобретено Пифагором в ходе путешествий, рассказ о которых, вкупе с перечислением стран, где побывал философ, формирует СУ странствия, создавая образ человека, находящегося в вечном поиске: «Принял он первое наставление в учении в своем отечестве <...> *оставил свое отечество* и следовал за Гермодамантом <...> продолжение путешествия в *Сирию, Халдею, Египет и Иудею*» (с. 136); «Пифагор при возвращении, после своих *для учения воспринятых путешествий*, привел всех жителей своего отечества в великое удивлении» (с. 137). Впрочем, упоминаются и невольные странствия: Пифагор вынужден был покинуть Самос и обосноваться в прибрежном Кротоне, чтобы иметь возможность заниматься философией: «наипаче потребен им был *толь мудрый пришелец*. Там распространял Пифагор свое великое знание и полезное учение» (с. 138). После выступления в Кротоне противников пифагореизма «*принужден был* Пифагор за двадцатолетнюю в Кротоне показанную услугу напоследок *скорым бегством живот свой спасать*, и при толь опасном состоянии *еще за щастие себе почитать*, что он из сего в ярость приведеннаго города *жив уйти мог*» (с. 142). В то же время странствие может быть связано с СУ мифологизации, на этот раз намеренно создаваемой самим Пифагором: «*Скрылся он от них опять так тайно и в некотором глубоком погребе себя содержал* <...> *По прошествии нескольких лет вышел он из того уединеннаго места* весь сух и бледен <...> *Сказывал, будто он во время своего отсутствия находился в подземном мире, или в царствии умерших*» (с. 137-138).

Изложение философских идей Пифагора композиционно занимает вторую половину статьи, однако повествование о его учении появляется с первых страниц статьи. Формирование СУ учение начинается с тех трудностей, с которыми столкнулся Пифагор в Самосе: «Пифагор употреблял *такую осторожность*, что он *многие практические догматы из своего нравоучения выключал*, однакож *под разными видами и баснями утаенное* его предложение *недало ему долго в безопасности жить в его отечестве*. И так искал он *еще за благовременно такого места*, в котором бы ему *свободнее и без всякаго страха* свое *невинное учение* предлагать можно было» (с. 138). Постигание мудрости происходило не столько ступенчато, сколько сообразно изначальному разделению аудитории, что определяло содержание и методы общения со слушателями: «Учение свое предлагал тремя различными образами. *Первый был для всех*, или *для общенародной школы*, где он *говорил больше притчами*, и изъяснял свои догматы предложенными от него *эмблемами* <...> *До второй части* надлежали *жены и девицы*, которых учил он отчасти *различными изображениями*, а отчасти *простым и ясным разговором* <...>

Третья часть состояла из вышепомянутого *Пифагорова братства*. В оное не принимал он никого, кто прежде чрез пять лет не был в искусе, которыя в одном только слушании и молчании препроводить надлежало. *В сей токмо части* <...> говорил он *свободно о всем*, что в двух первых частях отчасти умалчивал, а отчасти невразумительными показывал изображениями» (с. 143-144).

Симпатия автора статьи к идеям Пифагора выражается двояко:

во-первых, простым бесстрастным перечислением тех достижений, изречений и наставлений философа, которые были созвучны умонастроению представителей тогдашней прогрессивной петербургской академической науки: «В естественном учении принял он за основание всех сложенных вещей в нынешней Философии опять в употребление пришедшие монады, или единицы <...> Землю почитает он за круглую и шару подобную <...> Человеческую душу признавал он за бессмертную, для того что она из такого существа состоит, которое разрушиться не может» (с. 146); «Человек, для получения своего благополучия, должен наукою и добродетельным житием стараться богу некоторым образом быть подобен. Посредством Философии может человек себя очистить и приходить всегда в большее совершенство <...> Никого не должно обидеть и ни самага малейшаго из животных, которыя не вредят человеку. Должно всегда быть добрым и стыдливым человеком, а веселым и печальным никогда. В гневе не надобно ничего говорить и делать. Надлежит беречься, чтоб телом не быть весьма тучну <...> Своих детей надлежит с молодых лет приучать к умеренности и к трудам» (с. 147); «Против пяти неприятелей всюю силою обороняться: а именно против незнания, которому подвержен бывает разум, против пристрастий, которыя рождаются в сердце, против болезней нашего тела, против смятений в обществе, и против несогласия в дружбе» (с. 148);

во-вторых, полушутливым обоснованием практической пользы философских наставлений: «Пифагор в свое время подавал женам преизрядное наставление к домоправительству и к разумному воспитанию детей, и притом *глупых девок зделал он разумными невестами, а продерзостных жен воздержными супругами*» (с. 139).

Анализ репрезентации биографии Пифагора и изложения основных принципов его философского учения позволяет говорить о том, что данная статья на прототипическом уровне обнаруживает характерные черты реализации коммуникативного сценария «портретное жизнеописание выдающегося деятеля». Современные медиатексты генетически восходят к статьям предшествующих времён, а их стилистическое сопоставление демонстрирует общесистемную коммуникативную преемственность.

Исследование проведено при поддержке гранта Президента Российской Федерации МК-5506.2016.6 «Личность творца в зеркале современной российской журналистики: модель ценностно-организующего речевого воздействия».

Библиографический список

1. Артемьева Т. В. История метафизики в России XVIII века. СПб., 1996.
2. Басовская Е. Н. Концепт «чистота» в советской газетной пропаганде: Автореф. ... дисс. докт. филол. наук. М., 2011.
3. Дускаева Л. Р., Коняева Ю. М. «Звездная персона» в арт-журналистике: стилистико-речевая репрезентация коммуникативного сценария // Филология и человек. Барнаул, 2015. № 1. С. 15-24.
4. Дускаева Л. Р., Коняева Ю. М. Семантико-стилистическая категория персональности в журналистском тексте // В печати.
5. Краснова Т. И. Другой голос: анализ газетного дискурса русского зарубежья 1917-1920(22) гг. СПб., 2011.

6. Малышев А. А. Лингвостилистические особенности культурно-просветительских журналистских текстов первой половины XVIII века // Медиалингвистика. СПб., 2015. № 3(9). С. 101-112.

7. Малышев А. А. Статья «О чае» (1732 г.) как научно-популярный медиатекст XVIII века: лингвостилистические особенности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Белгород, 2016. № 21(242). Вып. 31. С. 110-113.

8. Подтергера И. А. Рецепция античности в русской культуре начала XVIII века // Русско-европейские литературные связи: XVIII век. СПб., 2008. С. 260-274.

9. Редькина Т. Ю. Речевая экспликация ситуационной модели: лингвопраксиологический подход (на материале трэвел-текста) // Медиалингвистика. СПб., 2015. № 2(8). С. 104-116.

10. Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1989. Т. 15.

11. Словарь русского языка XVIII в. СПб., 2011. Т. 19.

12. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка 30-90-е годы XIX века. М.-Л., 1965.

13. Щеглова Е. А. Лексико-стилистические особенности очерков путешествия И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада“» // Медиалингвистика. СПб., 2015. № 4(10). С. 108-116.

References

1. Artem'eva T.V. Istoriya metafiziki v Rossii XVIII veka. SPb., 1996.
2. Basovskaya E.N. Koncept «chistota» v sovetskoj gazetnoj propagande: Avtoref. ... diss. dokt. filol. nauk. M., 2011.
3. Duskaeva L.R., Konyaeva Yu.M. «Zvezdnaya persona» v art-zhurnalistike: stilistiko-rechevaya reprezentaciya kommunikativnogo scenariya // Filologiya i chelovek. Barnaul, 2015. № 1. S. 15-24.
4. Duskaeva L.R., Konyaeva Yu.M. Semantiko-stilisticheskaya kategoriya personal'nosti v zhurnalistikom tekste // V pechati.
5. Krasnova T.I. Drugoj golos: analiz gazetnogo diskursa russkogo zarubezh'ya 1917-1920(22) gg. SPb., 2011.
6. Malyshev A.A. Lingvostilisticheskie osobennosti kul'turno-prosvetitel'skih zhurnalisticheskikh tekstov pervoj poloviny XVIII veka // Medialingvistika. SPb., 2015. № 3(9). S. 101-112.
7. Malyshev A.A. Stat'ya «O chae» (1732 g.) kak nauchno-populyarnyj mediatekst XVIII veka: lingvostilisticheskie osobennosti // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Belgorod, 2016. № 21(242). Vyp. 31. S. 110-113.
8. Podtergera I.A. Recepciya antichnosti v russkoj kul'ture nachala XVIII veka // Russko-evropejskie literaturnye svyazi: XVIII vek. SPb., 2008. S. 260-274.
9. Red'kina T.Yu. Rechevaya ehksplikaciya situacionnoj modeli: lingvopraksiologicheskij podhod (na materiale trehvel-teksta) // Medialingvistika. SPb., 2015. № 2(8). S. 104-116.
10. Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv. M., 1989. T. 15.
11. Slovar' russkogo yazyka XVIII v. SPb., 2011. T. 19.
12. Sorokin Yu.S. Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka 30-90-e gody XIX veka. M.-L., 1965.
13. Shcheglova E.A. Leksiko-stilisticheskie osobennosti ocherkov puteshestviya I.A. Goncharova «Fregat „Pallada“» // Medialingvistika. SPb., 2015. № 4(10). S. 108-116.